

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЕВАНГЕЛЬСКИХ МОТИВОВ РОМАНА АЙТМАТОВА “ПЛАХА” И РОМАНА М. БУЛГАКОВА “МАСТЕР И МАРГАРИТА”*

Аннотация: Проведен герменевтический анализ глав с евангельскими мотивами в романе Чингиза Айтматова “Плаха”. Для постижения смысла текста, написанного автором, осуществляется также историко-культурный и контекстуальный анализ событий, связанных с данной темой. Сопоставлены евангельские главы романа “Мастер и Маргарита” и евангельские мотивы романа “Плаха”. Привлечен сравнительно-исторический метод языкознания, который используется в теоретической ономастике. Анализ показал, что образ Иисуса в романе “Плаха” выстроен по принципу рупора авторских идей. Именно поэтому столь часто этот образ далек от евангельского образа Иисуса. Однако введение в роман евангельских образов сообщает художественным исканиям особый эпический размах и философскую глубину.

Ключевые слова: герменевтический анализ, контекст, онимы.

К идее герменевтики обращаются в настоящее время представители самых разных гуманитарных и социальных областей научного знания. В последние десятилетия XX века проявился исследовательский интерес к пониманию как социокультурному феномену со стороны российских философов, психологов, филологов и психолингвистов. Герменевтические идеи приобретают значимость в “понимающей педагогике” и в современном музыкознании [10, 578]. Это связано с тем, что любой литературный текст, произведение искусства, музыкальное произведение требует истолкования, и именно герменевтика решает проблему истолкования и понимания [5, 169].

Герменевтический анализ сюжетов и фрагментов литературных произведений, содержащих библейские мотивы, необходим для того, чтобы понять восприятие и воспроизведение Библии авторами этих произведений. Герменевтический анализ текста основан на методических правилах истолкования текстов, выдвинутых Шлейермахером [5, 8]:

- обзорное прочтение всего произведения;

- раскрытие бытийных понятий;
- “грамматическая” и “психологическая” интерпретация текста.

Первоначально проведем герменевтический анализ глав с евангельскими мотивами в романе Чингиза Айтматова “Плаха”. Необходимость такого анализа видится в том, что для школьной программы характерен упор на религиозные аспекты данной темы. Однако для постижения смысла текста, написанного автором, для понимания авторского отношения к евангельским событиям, описываемым в романе, необходим историко-культурный и контекстуальный анализ событий, связанных с евангельской темой.

В отличие от булгаковского романа “Мастер и Маргарита”, где речь идет о самом Иисусе, тема Иисуса возникает в “Плахе” в связи с линией Авдия Каллистратова. Уже в выборе имени и фамилии героя автор подчеркивает его духовную связь с Иисусом и отражает характер героя, борющегося за справедливость на земле. Библейское имя Авдий означает “служитель бога”, а Каллистрат, от имени которого произошла фамилия героя – “хороший воин” [9, 126] “В неистовом поиске истины” Авдий, не став молить мучителей о пощаде, оказался сброшенным с поезда. Случившееся с ним сравнивается с тем, что произошло когда-то с Иисусом: “Ведь был уже однажды в истории случай – тоже чудак один галилейский возомнил о себе настолько, что не поступился парой фраз и лишился жизни. И всякое поколение ...заново спохватывается и заявляет, что, будь они в тот же день, в тот же час на Лысой горе, они ни в коем случае не допустили бы расправы над галилельтянином” [1, 182].

Именно об этом и думал Авдий: “Как мне спасти тебя?” [1, 220], оказавшись в Иерусалиме в это время. Оказался он там, как пишет Айтматов, в силу “исторического синхронизма – когда человек способен жить мысленно разом в нескольких временных воплощениях, разделенных порой столетиями и тысячелетиями, ...и присущего человеку, не лишённому воображения” [1, 220].

Проанализируем текст на предмет того, как Иисус, являясь по сути рупором автор-

* © Питерман Т.В.

ских идей, соотносится с евангельским образом Иисуса. Рассмотрим также хромотоп данного текста.

1. Автор правильно указывает, что Понтий Пилат находится во дворце Ирода Великого [1, 182].

2. У Айтматова Иисуса “жестоко били, ... плевали в лицо, когда его вели на суд Синедреона” [1, 183]. Однако в евангелиях эти события происходили после Синедреона. Тут же авторская мысль вступает в противоречие с текстом евангелия: будто бы люди из толпы “не ликовали, когда он въезжал в городские ворота на серой ослице с молодым осликом позади, ... с надеждой провозглашая “Осанна Сыну Давидову! Осанна в вышних!” [1, 183]. В этом видится, что автор не понимает, что могло за неделю произойти, чтобы отношение толпы к Иисусу так изменилось.

3. Хотя допрос Иисуса затягивается, Понтий Пилат думает по евангельски: “... нате, ... берите своего подсудимого и распорядитесь им, как порешили” [1, 184]. В евангелии от Иоанна: “...возьмите его вы и по закону Вашему судите его” [4, 462].

4. В размышлениях Пилата об Иисусе можно заметить несколько натянутых умозаключений, приписываемых Иисусу: на земле будет Царство Божье. “...царство это такое, при котором не будет места власти кесаря и кесарей, их наместников и прислужнических синагог...” [1, 184]. Такая интерпретация земного Царства Божьего отличается от евангельского, где Иисус говорит: “Царство мое не от мира сего” [7, 462]. Трудно понять связь кесаря с синагогой, которая является символом веры, которая чужда кесарю. И как человек, говорящий об отсутствии земной власти в виде кесаря, называет себя Царем Иудейским? Станным кажется использование автором греческого слова “кесарь” вместо латинского “цезарь” в разговорах и мыслях римского прокуратора [1, 184].

5. Относительно обещания Иисусом Нового Царства людям Пилат думает, что это пропагандистский ход. Иисус хочет подкупить людей: “... затеять смуту... и сокрушить то, чем впоследствии хотел обладать сам” [1, 185], т. е. хочет обладать властью сам. Такие мысли соответствуют евангельскому Пилату, который правильно понимает пророчество о мессии. Там же присутствует мысль об угрозе римской власти. В “Плахе” Пилат более конструктивен, чем у Булгакова.

6. Приводимый диалог Пилата с Иисусом о предстоящей казни [1, 186] отсутствует в евангелиях. Весь этот разговор нужен ав-

тору, чтобы высказать свою точку зрения на происходящее.

7. Там же приводится описание внешности Иисуса: “...нескладный, длинноногий и длинноволосый, с разметанными кудрями” [1, 186]. Описание дано по церковному канону, ни в одном из евангелий описания внешности Иисуса нет. У Булгакова более достоверный Иисус без описания внешности: “... человек лет двадцати семи. Этот человек был одет в старенький и разорванный хитон, голова его была прикрыта белой повязкой с ремешком вокруг лба” [3, 285].

8. На предложения Пилата отречься от своих слов по мотивам евангелия от Иоанна Иисус отвечает: “Мне не от чего отречься...” [1, 187]. Тон повествования в романе “Плаха” упрощен, так как в евангелии – духовная дуэль между Пилатом и Иисусом.

9. В уста Иисуса автор вложил свои собственные мысли о том, что к религии идут только те, кому в жизни плохо: “Мне верят те, кого толкают ко мне притеснения, вековая жажда справедливости – тогда семена моего учения падают на удобренную страданиями и омоченную слезами почву” [1, 188]. В евангелии и канонической традиции к религии идут все, независимо от их положения на земле. Иисус обращается ко всем! Например, Матфей – римлянин, сборщик податей, жил хорошо, а пошел за Иисусом. Также признавал Иисуса член Синедриона Иосиф Аримафейский.

10. Сцена, в которой описывается страх Иисуса перед казнью и его разговор с Пилатом с просьбой отпустить его, отсутствуют в евангелии. Айтматов по-своему описывает переживания Иисуса во время разговора с Пилатом перед казнью: “На бледном челе Иисуса проступил обильный пот. Но не утирал его ни ладонью, ни оборвавшимся рукавом хламиды, ему было не до того – от страха к горлу подкатила тошнота, и пот заструился вниз по лицу, падал каплями на мраморные плиты у худых жилистых ног”. И при этом Иисус просит Пилата отпустить его: “...правитель добрый, отпусти меня” [1, 189]. Извинительный тон Иисуса и фраза: “Я хотел бы пожить еще” [1, 187] не стыкуется с идеей в синоптических евангелиях, и особенно с Евангелием от Иоанна, где Иисус говорит о том, что Пилат не имеет над ним власти [7, 465]. Автор показывает Иисуса простым человеком, который страшится предстоящих мучений. Такое видение Иисуса сыном Человеческим, а не богом, укладывается в рамки мусульманской культуры, носителем кото-

рой является Чингиз Айтматов. Просьба же отпустить его, вообще, противоречит высокому смыслу евангелия о добровольном желании принять на себя грехи человеческие через мученическую смерть. Во всем этом видится влияние ислама. В коране так описывается история пророка Иисуса: "...они (иудеи) не убили его и не распяли, но это только предстало им; и, поистине, те, которые разногласят об этом, – в сомнении о нем, нет у них об этом никакого знания, кроме следования за предположением. Они не убивали его, – наверное, нет, Аллах вознес его к себе..." [4, 87].

11. Автор включил в роман жену Пилата, которую мучают ночные кошмары и которая сочувствует Иисусу и просит за него Пилата [1, 190].

Жена Пилата упоминается в евангелии от Матфея [7, 131]. Однако не известно, была ли вообще жена у исторического Пилата, а уж тем более нигде не упоминается, была ли она с Пилатом в Иудее. Ведь постоянная резиденция Пилата находилась в Цесарии. В записке к Пилату жена пишет: "Все говорят, что он безобидный праведник, чудесный исцелитель великих недугов, ... якобы он Сын Божий, Мессия и чуть ли не царь Иудейский..." [1, 190]. Откуда это могла знать жена Пилата, которая (даже если она есть) живет с Пилатом в Цесари? История же, связанная с Иисусом, происходит в Иудее.

12. Автор отдает дань канону, когда пишет о таких мыслях Пилата: "... в который раз пожалел, что не отправил ... этого лжепророка ... на взгорье, где должна была совершиться казнь, которой требовало иерусалимское судилище" [1, 191]. Иерусалимское судилище (Синедрион) не могло требовать римской казни. У иудеев свои виды казни: побитие камнями и усекновение головы (пример с Иоанном Крестителем). Также это логически не стыкуется со словами Пилата "берите и делайте, что хотите".

13. Ближе к правде об историческом Пилате, чем о Пилате евангельском, мысли, которые приходят ему на ум: "... зачем ему пробуждать вражду первосвященника Каиафы и иерусалимской верхушки, преданной и верной Риму, ради этого сомнительного бродяги Иисуса, поносящего кесарей?" [1, 191].

14. На фразу Пилата: "Сейчас в моей воле оставить тебя в живых или послать на казнь", следует ответ Иисуса: "...Я страшусь свирепой казни" [1, 192]. Данный ответ противоречит всему духу Евангелий.

15. В романе "Плаха" автор вкладыва-

ет в уста Иисуса фразу о пути к спасению: "К спасению мира..." [1, 193]. Однако эта фраза противоречит Евангелию. На момент разговора Пилата с Иисусом роль Мессии была в спасении только иудеев. Лишь потом, чтобы приспособить идеи Евангелия для понимания и использования не иудеями, а другими народами, в каноне появился "мир", а не Иудея.

16. Еще одно несоответствие Евангелию: "Я умываю руки", [1, 193] – сказал Пилат внутри дворца, а не перед народом на площади. Этими словами он снимает с себя вину за содеянное и перекладывает ее на весь иудейский народ. На этом была построена церковная теория предательства Иисуса иудеями.

17. По-видимому, мысль автора вложена во фразу: "...Бог... един и все люди равны перед Богом" [1, 196]. Однако это не соответствует религиозной традиции того времени. Иудеи – богоизбранный народ, у них свой Бог. И только для иудеев читал проповеди Иисус. В данном случае происходит смещение автором понятий во времени. Евангельскому Иисусу (ко времени происхождения событий) автор приписывает церковное толкование более поздних религиозных понятий и догм. Скорее всего, такое несоответствие связано с тем, что для автора данная религия не является национальной.

18. Ночь, проведенная в Гефсиманском саду, соответствует евангельскому описанию: "...Я...не спал, все бодрствовал в молитвах и, укрепившись духом, намерен был поведать ученикам моим об этом и ниспосланным мне Отцом видении, но тут толпа большая явилась в Гефсиманию, и среди них Иуда был, обнял меня, поцеловал холодными устами "Радуйся, Равви", – сказал он мне, а пришедшим до этого сказал: "Кого я поцелую, Тот и есть, возьмите Его." И они меня схватили" [1, 215].

19. Описание эпизода о лодочной прогулке по Нилу Марии с маленьким Иисусом и чудесном спасении от громадного крокодила, якобы произошедшего в Египте – фантазия автора на евангельскую тему. Опять смещение во времени и приписывание более поздних понятий: "Ты станешь учителем, Иисус! И они пойдут за тобой, Иисус, и ты не оступишься от людей никогда, никогда, никогда!" [1, 201].

20. В диалоге о Царстве Небесном, связанном со вторым пришествием Иисуса, говорится: "... второго пришествия ждать придется бесконечно долго" [1, 206]. Данное утверждение не соответствует Евангелию, в

котором Иисус говорит о наступлении Царства Небесного при этом поколении [1, 206]. И говорится это в прямом смысле. Ответ же Иисуса в “Плахе” имеет аллегорический смысл. Автором интерпретируется церковная точка зрения: “... промысел Божий не в том, что однажды, как гром в ясную погоду, грянет день, когда Сын человеческий, воскреснув, спустится с небес править суд над народами, а все наоборот будет ... вы, люди, пришествуете жить во Христе, в высокой праведности, вы ко мне придете в неузнаваемых грядущих поколениях. И это будет мое второе пришествие. Иначе говоря, ... я в людях вернусь к людям” [1, 207]. Это более поздняя проповедь Церкви, т. к. первоначальный смысл для неиудеев безнадежно устарел.

21. Описание матери Марии укладывается в рамки Евангелия. Родом из Назарета, как и в евангелии. Мысли о разрушении Храма такие же, как и в евангелии.

Сопоставим евангельские главы романа “Мастер и Маргарита” М.А. Булгакова и евангельские мотивы романа “Плаха” Чингиза Айтматова. При сопоставлении будем рассматривать онимы, которые имеют важное значение для понимания смысла и авторской позиции по отношению к описываемым событиям. При рассмотрении онимов воспользуемся сравнительно-историческим методом языкознания, который используется в теоретической ономастике [2, 346].

Новизна онимического анализа текстов, содержащих библейские мотивы, состоит в том, что определенные онимы литературного произведения часто содержат отношение автора не только к своему герою, но и к его библейскому прототипу.

Онимический анализ текста литературных произведений является частным случаем общеизвестного метода научного познания, основами которого являются объективное изучение, наблюдение за предметом анализа и поиск законов реальности.

Онимический анализ текста также основан на объективном изучении предмета познания и на сопоставлении различной транскрипции одних и тех же онимов в разных источниках. Герменевтический анализ онимов способствует более глубокому проникновению в замысел автора.

Начнем сопоставление с евангельского Иисуса. У Булгакова герой носит имя Иешуа. Автор выбрал правильное произношение имени на иврите, т. к. форм имени Иисус на иврите не существует. Имя Иешуа встречается в Торе, образовано от еврейского корня

“иеш” – спасать. Конечное “шин” пишется так же, как “син”, если убрать точку над первой буквой.

Первоначальное “Иез”, так же как “Иеш”, при многократном переводе, когда римляне от понятия абстрактного “спасителя” перешли к образу обычного человека, к нему добавили римское окончание “us” (us), свойственное римским личным именам, и получили Иисус (вместо Иешуа).

Герой “Плахи” носит евангельское имя Иисус и Иисус Христос, употребляемое как имя собственное, что связано с религиозной традицией. Именно Иисусом Христом в романе “Плаха” называет арестованного в своей записке жена Пилата [1, 190]. Имя же “Христос” не является именем собственным и относится в иудейском понимании не только к Иисусу. Это слово – обозначение избранника Бога, через которого Бог единственный спасает общину верных от каких-то конкретных бедствий: идолопоклонства, потопа, рабства и т. д. “Христос” является греческим переводом еврейского слова “машиах”, “мессия”. Греческое слово “Христос” означает буквально “помазанник” (от глагола “хрисао” – помазывание) [6, 48].

Рассмотрим слово “Га-Ноцри” в романе “Мастер и Маргарита”. Га-Ноцри у Булгакова – это не имя, а прозвище. “Пилат: “Прозвище есть?” Иешуа: “Га-Ноцри” [3, 287]. В иврите Га (ha) – это определенный артикль перед “НЦР” (3 согласных буквы на письме) – мессия, дословный перевод “чистый от бога” – назир, ницар, ноцар, ноцри (любые гласные при разговоре возможны).

В эпоху второго Храма Ноцри применимо только к мессии. Это удар автора по канону, т. к. не используется греческое слово Христос – мессия, помазанный царь. В синоптических текстах словосочетание Иисус Христос употребляется в таком виде: “Иисус, по прозвищу Христос” [7, Мф. 27:22, 131]. А позже употребляется как имя собственное.

В романе “Плаха” Пилат думает об осужденном как об Иисусе Назарянине, что соответствует евангельским традициям. По версии евангелиста Марка, Иисус родился не в Вифлиеме, а в Назарете. У Булгакова Иешуа из города Гамалы [3, 287]. А где евангельский Назарет? Назареус – для греко-римского слуха “us” – житель Назарета. Автор же, по-видимому, знает, что города Назарета нет в Галилеи. В евангелии Га-Ноцри переведено неверно, чтобы сбылось пророчество из ТАНАХА: “Мессия Назореум наречется” (Назорей – “чистый от бога”).

Имя первосвященника в “Плахе”- Каиафа. Имя евангельского Каифы трансформировалось у Булгакова в Иосифа Каифу. Транскрипция этого слова является неким средним между евангельским Каиафой и еврейским “Кефа” или “Кифа” – камень (в иврите оба произношения возможны).

Имя предавшего Иисуса в “Плахе” просто Иуда, что является говорящим именем, обозначающим жителя Иудеи. У Булгакова Иуда из города Кириафа, в евангелии – Иуда Искариот. Не понятно, что значит слово Искариот, в евангелии нет указания на город. Есть версия, что Искариот – “sikarius”- римское слово убийца, является результатом инверсии букв “s” и “i”. Другое толкование имени Иуда – из секты сикариев, как ученик Симона Зелоты в евангелии из секты зелотов.

Сравнительный герменевтический анализ евангельских мотивов романа Айтматова “Плаха” и евангельских глав романа М. Булгакова “Мастер и Маргарита” показывает, насколько различно отношение авторов к одним и тем же событиям. Булгаков создает свой образ Иешуа, во многом отличный от евангельского Иисуса. В романе “Плаха” образ Иисуса выстроен по принципу рупора авторских идей. Айтматов не ставил перед собой задачи по-своему описать иерусалимские события. Именно поэтому его Иисус ближе к каноническому, чем у Булгакова. Однако часто и этот образ далек от евангельского. Введение же евангельских образов сообщает художественным исканиям особый эпический размах и философскую глубину.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Айтматов Чингиз. Плаха. – СПб., 2005.
2. Большой энциклопедический словарь. Языковедение. – М., 1998.
3. Булгаков Михаил. Мастер и Маргарита. – Минск, 1988.

4. Коран. Телекс. – Нью-Йорк, 1989.
5. Кузнецов Валерий. Герменевтика и ее путь от конкретной методики до философского направления.
6. Полосин А.В. Евангелие глазами мусульманина. Два взгляда на одну историю. – М., 2006.
7. Святое Евангелие, Пр.Бр.Св.ап.Иоанна Богослова. – М., 2000.
8. Соколов Б.Г. Рецепция герменевтики в России / Между метафизикой и опытом/ под ред. Радеева Д.Н. – СПб., 2001. – С. 169-187.
9. Суперанская А.В. Современный словарь личных имен. – М., 2005.
10. Философия науки. Методология и история конкретных наук. Учебное пособие (книга для чтения). Коллектив авторов. – М., 2007.

T. Piterman

COMPARATIVE HERMENEUTICAL ANALYSIS OF EVANGELICAL MOTIVES OF THE NOVEL “THE SCAFFOLD” BY CHYNGYZ AITMATOV AND THE NOVEL “MASTER AND MARGARITA ” BY M. BULGAKOV

Abstract: It is lead hermeneutic analysis of chapters with evangelical motives in novel “The Scaffold” by Chyngyz Aitmatov. For comprehension of sense of the text, written by the author, the historical-cultural and contextual analysis of the events, connected with the given theme, is carried out also. Evangelical chapters of the novel “Master and Margarita ” and evangelical motives of the novel “ The Scaffold “ are compared. The comparative-historical method of linguistics is involved. The analysis has shown, that the image of Jesus in the novel “The Scaffold” is built by a principle of a megaphone of author’s ideas. For this reason so often this image is far from an evangelical image of Jesus. However, introduction in the novel of evangelical images informs art searches special epic scope and philosophical depth.

Key words: hermeneutical analysis, contextual, onyms.